

ШИРЯЕВ Е. Н.

ОСНОВЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ БЕССОЮЗНЫХ
СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

П о с т а н о в к а в о п р о с а. Общим местом работ о бессоюзном сложном предложении является утверждение о том, что бессоюзный тип сложного предложения представлен главным образом в разговорной речи¹. Тем не менее концепции бессоюзного сложного предложения строились на материале, который представляет собой или прямую имитацию разговорной речи в художественной литературе — речь персонажей, или на таких материалах, которые явным образом используют разговорные компоненты для стилистических целей придания непринужденности, живости изложению — авторское повествование в художественной литературе, особенно сказовое повествование, публицистический функциональный стиль и пр. Собственно разговорные материалы не использовались. Широко развившиеся за последние годы исследования по разговорной речи не оставляют сомнения в том, что собственно разговорная речь и ее отражение в языке художественной литературы и некоторых функциональных стилей далеко не адекватны [2—4]. Именно этим, по-видимому, во многом объясняется то, что до сих пор актуальным является создание полной и непротиворечивой концепции бессоюзного сложного предложения². Широкое привлечение к исследованию разговорного материала дает, как кажется, возможность наметить те основы, которые могут быть положены в системное описание бессоюзного сложного предложения.

О б щ и е и с х о д н ы е п о л о ж е н и я. Прежде чем обратиться к проблемам системного описания бессоюзного сложного предложения, сформулируем некоторые общие исходные положения относительно разговорной речи вообще. Разговорной речью (далее РР) будем считать особую сферу литературного языка, которая противопоставлена кодифицированному литературному языку (далее КЛЯ) на основе следующих экстралингвистических признаков: (1) РР спонтанна, неподготовлена — КЛЯ подготовлен, тексты на нем заранее обдумываются; (2) РР реализуется в условиях неофициального общения — КЛЯ рассчитан на официальное общение; (3) РР предполагает непосредственное участие говорящих в коммуникативном акте — КЛЯ рассчитан и на опосредованное общение³.

Своеобразие РР по сравнению с КЛЯ настолько велико, что породило гипотезу о РР как особой языковой системе [5, с. 22—24; 6]. И хотя не все исследователи разделяют эту гипотезу (см., например, [7]), никто не отрицает большого языкового своеобразия РР.

Гипотеза о РР и КЛЯ как особых системах не только не исключает возможности взаимодействия этих двух систем, но и прямо постулирует, что такое взаимодействие неизбежно хотя бы уже потому, что РР и КЛЯ постоянно пользуются одни и те же носители литературного языка. Об этом вполне определенно было сказано уже на самых первых этапах разработки гипотезы о РР как особой системе [5, с. 22—24]. И если это взаи-

¹ «Бессоюзный способ соединения предложений ограничен преимущественно рамками разговорной речи», — пишет И. Н. Кручинина в «Русской грамматике» [1].

² Н. Ю. Шведова на одном из обсуждений в Институте русского языка АН СССР тогда еще только подготавливаемой к изданию «Русской грамматике» говорила в ответ на упрек в некоторой непоследовательности решения вопроса о бессоюзном сложном предложении о том, что в современной лингвистике нет концепции бессоюзного сложного предложения, на которую можно было бы надежно опереться в его описании.

³ Это определение РР положено в основу исследований группы по изучению РР в Институте русского языка АН СССР — см. [5, с. 9].

действие не получило пока в рамках названной гипотезы должного освещения, то объясняется это только тем, что на первых этапах изучения РР было целесообразно исследовать «чистый» объект, чтобы лучше понять его суть. Теперь же на очереди изучение взаимодействия РР и КЛЯ. Ясно, что взаимодействие это весьма разнообразно по своему характеру. При изучении бессоюзного сложного предложения кажется важным принять во внимание следующее.

Условия функционирования РР часто во многом предопределяют ее системные особенности. Условия функционирования РР таковы, что явно «протезируют» развитию в РР системы бессоюзного сложного предложения. Условия функционирования КЛЯ, напротив, не способствуют употреблению бессоюзных сложных предложений. Поэтому можно думать, что КЛЯ просто не имеет своей системы бессоюзного сложного предложения. Бессоюзные сложные предложения КЛЯ — это, за редким исключением, так сказать, пересаженная на почву КЛЯ система бессоюзных сложных предложений РР. Необходимость в такой пересадке возникает, как уже было сказано, тогда, когда есть потребность в отражении РР в КЛЯ. Такая пересадка — именно в силу того, что условия РР не способствуют употреблению бессоюзных сложных предложений — не есть механическое перенесение всей системы бессоюзных сложных предложений РР в КЛЯ. На почве КЛЯ система РР с неизбежностью предстает неярко, непоследовательно и часто в измененном виде. Абсолютная копия РР в КЛЯ просто невозможна. А поэтому только на материале КЛЯ и невозможно с достаточной ясностью вывить систему бессоюзного сложного предложения. Материал КЛЯ при выявлении системы бессоюзного сложного предложения может использоваться только как вспомогательный при основном разговорном материале. Использование материала КЛЯ в деле построения системы бессоюзного сложного предложения требует известной осторожности, поскольку бессоюзные сложные предложения в КЛЯ могут по сравнению с РР предстать в измененном виде, они могут подгоняться под общие мерки системы КЛЯ. Уяснение таких изменений, несомненно, очень важная задача, но ее можно решить только тогда, когда будут поняты общие закономерности системы бессоюзного сложного предложения и описана система бессоюзного сложного предложения в РР.

Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения. Чтобы дать описание бессоюзного сложного предложения, необходимо ответить на вопрос о том, что представляет собой бессоюзное сложное предложение как синтаксическая единица. Исходим из того, что какое-либо языковое образование является грамматической, в том числе и синтаксической, единицей тогда, когда это образование имеет свою грамматическую, в том числе и синтаксическую, форму. Грамматическая форма — это единство грамматического средства и того грамматического значения, которое выражается этим средством.

Синтаксическая форма сложного предложения вообще — это те смысловые отношения, которые складываются между частями сложного предложения — предикативными конструкциями, и те средства, которые эти отношения выражают. Определение синтаксической формы союзного сложного предложения затруднений не вызывает. Синтаксическое значение в союзном типе определяется в первую очередь такими синтаксическими средствами, как союзы и союзные слова.

Далеко не столь очевидно, что представляют собой синтаксические средства и создаваемые ими синтаксические значения в бессоюзном сложном предложении. История изучения русского бессоюзного сложного предложения есть, в сущности, не что иное, как поиск синтаксической формы бессоюзного сложного предложения. А. М. Пешковский рассматривал форму бессоюзного сложного предложения как некоторую модификацию формы союзного сложного предложения. Он полагал, что те значения, которые в союзном типе передаются союзами и союзными словами, в бессоюзном сложном предложении передаются соответствующими интонационными типами. Интонация заменяет союзы и союзные слова [8, с. 470—472], в чем проявляется, по мнению А. М. Пешковского, действие

общего компенсационного принципа, согласно которому интонация может возмещать отсутствие грамматических средств [8, с. 48—50; 9, с. 19—20].

Н. С. Поспелов предложил такую концепцию бессоюзного сложного предложения, согласно которой бессоюзное сложное предложение рассматривается как некоторая автономная система, не сводимая к системе союзного сложного предложения и не выводимая из нее. Подобно А. М. Пешковскому, Н. С. Поспелов считает, что интонация может выражать и дифференцировать смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном типе, но в отличие от А. М. Пешковского Н. С. Поспелов полагает, что эти смысловые отношения не равны союзным, а представляют собой особую систему [10]⁴. Если А. М. Пешковский различает среди бессоюзных, как и среди союзных сложных предложений, сложносочиненные и сложноподчиненные и характеризует смысловые отношения между предикативными конструкциями союзного и бессоюзного типов в одних и тех же терминах, то Н. С. Поспелов характеризует смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении не в тех терминах, которые обозначают смысловые отношения в союзном типе, — выделяются, например, неизвестные в союзном типе отношения действия и результата и т. п. Справедливо полагая, что сочинение и подчинение — это такая форма связи, средством выражения которой могут быть только союзы и союзные слова⁵, но не интонация, Н. С. Поспелов отказывается от деления бессоюзных сложных предложений на сочиненные/подчиненные и предлагает объединять смысловые типы в группы, противопоставленные на логической основе. Различаются бессоюзные сложные предложения однородного (*Ты богат, я очень беден*) и неоднородного состава (*Не хочешь — не ходи*).

Интонационно-синтаксические исследования последних лет показали, что вопреки мнению как А. М. Пешковского, так и Н. С. Поспелова интонация не может выражать смысловые отношения между предикативными конструкциями так, как это делают союзы и союзные слова. М. Кубик доказывает это тем, что одна и та же интонация, определяемая им на слух, свойственна бессоюзным сложным предложениям с явно разными смысловыми отношениями между предикативными конструкциями: одинаково, по мнению М. Кубика, интонируются, например, бессоюзные сложные предложения с противительными отношениями (*Вы уйдете — мы останемся*) и условными (*Банка лопнет — масло разольется*) [13]. Т. М. Николаева, поставившая себе цель экспериментально, на материале бессоюзного сложного предложения, проверить компенсационный принцип А. М. Пешковского, обнаружила, что интонация в бессоюзном сложном предложении отличается по сравнению с интонацией в союзных предложениях большей яркостью, свойства же выражать смысловые отношения между предикативными конструкциями эта интонация не имеет [9, с. 236—237].

Смысловые отношения между предикативными конструкциями в синтаксических образованиях, называемых бессоюзными сложными предложениями, создаются не интонацией, а действием того, что можно вслед за Л. П. Якубинским назвать общей апперцепционной базой говорящих [14]. В основе общей апперцепционной базы лежит освященный повседневной практикой обыденный опыт говорящих: всякому известно, что туча предвещает дождь, и это знание реальных связей действительности предопределяет именно следственные отношения в бессоюзном сложном предложении *К городу приближается огромная черная туча — скоро начнется дождь*. Ср. еще: *Надо зонт взять: дождь будет*, где именно знание того, что зонт — защита от дождя, предопределяет причинные отношения. Можно сказать, следовательно, что смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении выявляются на основе конкретного содержания соединяемых предикативных конструкций, создаваемого лексико-сман-

⁴ В последние годы взгляды Н. С. Поспелова получили интересное развитие у С. И. Дорошенко [11].

⁵ Вопросу о сочинении/подчинении в сложном предложении посвящена наша статья [12].

этической структурой этих предикативных конструкций: между предикативными конструкциями устанавливаются те смысловые отношения, которые естественным образом вытекают из содержания соединяемых предикативных конструкций. Если из содержания предикативных конструкций смысловые отношения не вытекают с достаточной легкостью и очевидностью, то их объединение в одно бессоюзное синтаксическое целое просто не может состояться. Показательны в этом отношении сложные предложения с временными отношениями. Во временную связь могут быть поставлены самые разные, никак, кроме как по времени осуществления, не связанные между собой события, ср.: *Я написал статью, когда ремонтировали наш дом*. Выразить такие временные отношения можно только с помощью союза, потому что из содержания предикативных конструкций временные отношения с достаточной для бессоюзного выражения очевидностью не вытекают.

Признание того факта, что интонация в бессоюзных сложных предложениях не выражает смысловых отношений между предикативными конструкциями, имело для теории бессоюзного сложного предложения далеко идущие последствия. И. Н. Кручинина вообще отказалась признать за бессоюзными сложными предложениями статус синтаксической единицы. Логика такого вывода безупречна: если в бессоюзных сложных предложениях нет никаких грамматических (синтаксических) средств, участвующих в выражении смысловых отношений, то, следовательно, бессоюзное сложное предложение не имеет синтаксической формы и не является поэтому синтаксической единицей, а то, что называют бессоюзным сложным предложением — это обычная последовательность предложений в тексте [15] ⁶.

Полагаем, однако, что интонация при соединении предикативных конструкций в одно целое имеет весьма важные синтаксические функции. Их можно обнаружить следующим образом. На вопрос *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку?* можно ответить союзным сложным предложением — *Я не пойду на лыжную прогулку, потому что на улице холодно* или бессоюзным — *Я не пойду на лыжную прогулку: на улице холодно*. Интонация первой предикативной конструкции в этом случае должна быть обязательно незавершенной. Ответ двумя интонационно завершенными предикативными конструкциями, т. е. двумя предложениями, в данном случае невозможен: *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку? — *Я не пойду на лыжную прогулку. На улице холодно*. Надо заметить, что более естественным ответом было бы вообще простое предложение *На улице холодно*, но это несколько не меняет сути дела, поскольку и ответ в виде приведенного сложного предложения грамматически вполне нормативен. Это наблюдение показывает, что интонационная незавершенность последней предикативной конструкции имеет синтаксическое значение. Синтаксическая функция интонационной незавершенности последней предикативной конструкции при соединении ее с другой предикативной конструкцией заключается в а к т и в и з а ц и и тех смысловых отношений между соединяемыми предикативными конструкциями, которые устанавливаются на основе лексико-семантического содержания этих предикативных конструкций. При интонационной незавершенности последней предикативной конструкции смысловые отношения между ней и последующей предикативной конструкцией не могут быть не замечены. И так как вопрос *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку?* ясно показывает, что ради выражения причинных отношений и задумана вся коммуникация, ответ на этот вопрос требует интонационной незавершенности последней предикативной конструкции. При интонационной завершенности обеих конструкций вытекающие из их содержания смысловые отношения могут быть замечены, а могут быть и не замечены, и поэтому ответ на вопрос, требующий

⁶ В «Русской грамматике» [1] вместо традиционной главы о бессоюзных сложных предложениях И. Н. Кручинина дает главу «Бессоюзное соединение предложений». Интересно, что объект описания в этой главе — те же традиционные бессоюзные сложные предложения.

обязательно выразить причинные отношения, в виде двух предложений невозможен.

Из этого наблюдения, как кажется, можно сделать «спасительный» для бессоюзного сложного предложения вывод: бессоюзное сложное предложение как особая синтаксическая единица существует, поскольку имеет собственную синтаксическую форму. Синтаксическое значение этой формы — активизация смысловых отношений, выводимых на основе общей апперцепционной базы говорящих из содержания предикативных конструкций, синтаксическое средство — интонационная незавершенность последней предикативной конструкции⁷. Если воспользоваться системой интонационных конструкций (далее ИК) Е. А. Брызгуновой, то, по-видимому, следует признать, что предикативные конструкции с интонационной незавершенностью чаще всего будут представлять собой ИК-3, суть которой в том, что в предцентровой части колебания тона сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с восходящим движением тона выше уровня предцентровой части; в конце гласного тон ровный или нисходящий; постцентровая часть произносится на уровне тона ниже предцентровой [17, с. 109]. Предикативные конструкции с интонационной завершенностью представляют ИК-1 и характеризуются следующим образом: в предцентровой части колебания тона имеют восходяще-нисходящее направление или сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с нисходящим движением тона ниже уровня предцентровой части; постцентровая часть произносится ниже уровня предцентровой части [17, с. 109]. Как справедливо замечает М. В. Панов, «...интонационный *minimum* в русском языке составляют ИК-1 и ИК-3. Он отвечает старому правилу, известному, например, всякому артисту: смысл не кончен — голос вверх, смысл кончен — голос вниз. Действительно, и вопросительное предложение, и отрезок речи до запятой (это все ИК-3) требуют продолжения или ответа, „смысл не кончен“. Точка (=ИК-1) знак того, что передача какой-то доли смысла закончена» [18].

Кроме интонационной незавершенности последней предикативной конструкции смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении могут быть активизированы: (а) той валентностью опорного слова первой предикативной конструкции, которая удовлетворяется второй предикативной конструкцией — *Он говорил / хорошо она учится в общем // (говорил что?)*; (б) наличием синсемантических слов типа *так, такой*, с которыми непосредственно связана пояснительными отношениями одна из предикативных конструкций — *Она такая / все время чего-то пишет //*. Эти показатели активизации смысловых отношений сильны сами по себе, и поэтому интонационная незавершенность последней предикативной конструкции при них не является обязательной. Так, при синсемантических словах интонационная завершенность обеих предикативных конструкций — обычное явление.

Таким образом, синтаксические формы союзного и бессоюзного типов сложного предложения принципиально различны: союзы и союзные слова сами по себе, независимо от содержания соединяемых предикативных конструкций, устанавливают между ними соответствующие смысловые отношения, интонационное средство смысловых связей не устанавливает, оно только активизирует связи, заложенные в содержании соединяемых предикативных конструкций. Следовательно, синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения находится в тесном и необходимом взаимодействии с лексико-семантическим содержанием предикативных конструкций. И поэтому в описании бессоюзного сложного предложения семантический компонент приобретает особо важную роль.

Семантическая структура бессоюзных сложных предложений. Для понимания семантического компонента бессоюзного сложного предложения кажется нужным выделить два ас-

⁷ Далее в разговорных примерах интонационная незавершенность предикативной конструкции будет пометаться знаком /, а интонационная завершенность знаком //, как это принято в [16].

пекта: (1) типология смысловых отношений между предикативными конструкциями с их противопоставлением на дифференцированные и недифференцированные; (2) характер смысловой структуры с противопоставлением прямых и опосредованных смысловых отношений.

Типология смысловых отношений между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении может быть осуществлена на основе некоторого заданного метаязыка описания, состоящего из набора элементарных терминов, в которых и только в которых должны характеризоваться смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях. Для того, чтобы решить спорный вопрос о том, как соотносятся между собой виды смысловых отношений в союзном и бессоюзном сложных предложениях, необходима единая для этих двух типов система терминов. Термины, выбранные для характеристики смысловых отношений в сложном предложении, будем считать элементарными, неразложимыми на более мелкие составляющие. В основу системы элементарных терминов могут быть положены те термины, с помощью которых традиционно характеризуются отношения в союзном типе сложного предложения, т. е. элементарными отношениями можно считать противительные, разделительные, изъяснительные, причинные и т. д. В этой системе займут свое место и такие термины, которые называют отношения, выражаемые или только в союзном, или только в бессоюзном типе. И это уже покажет отличие бессоюзных сложных предложений от союзных. Например, для характеристики смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях типа *Он поступил так / ушел и все //* должен быть введен особый термин — пояснительные отношения. В союзном типе такие отношения не выражаются.

Ориентация на систему терминов, принятых для описания смысловых отношений в союзном типе сложного предложения, ни в какой степени не означает, что ставится задача подогнать смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении к союзным. Дело в том, что для принятого метаязыка описания постулируется возможность создавать из элементарных терминов сложные, включающие на правах составляющих несколько элементарных. Именно такие сложные термины, как кажется, и позволяют адекватно описать смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях и дать типологию этих отношений.

Смысловые отношения, для описания которых достаточно одного элементарного термина, назовем *д и ф ф е р е н ц и р о в а н н ы м и*. Союзы и союзные слова, как правило, выражают дифференцированные смысловые отношения. В том случае, если элементарное отношение, выражаемое в союзном типе, может обозначаться и бессоюзно, т. е. когда это отношение выводится из содержания предикативных конструкций, союзное и бессоюзное сложное предложение по смыслу ничем не отличаются друг от друга, ср.: *Не пойду гулять, потому что дождь будет* — *Не пойду гулять/дождь будет//*.

В РР круг дифференцированных отношений, способных иметь бессоюзное выражение, много шире, чем в КЛЯ. О. А. Лаптева обратила внимание на возможность в РР бессоюзного выражения определительных отношений: *Я ему показал одну икону/ у Сони висит в комнате//* [19]. Ср. еще: *Мотор к лодке / в прошлом году он купил/ испортился у него уже//*; *Дерево/ у забора стоит/ надо подрезать/ очень уж оно солнце загорживает//*; *Этот Петя/ко мне на той неделе приходил/кандидатскую наверно скоро защищать будет//*⁸.

Бессоюзное выражение в РР могут получать и многие другие отношения, для выражения которых в КЛЯ обязателен союз: отношения степени — *Снег пошел такой сильный/ничего не видно прямо//* (ср.: *Снег пошел такой сильный, что ничего не видно прямо*); сравнительные отношения — *Они купили ковер/помнишь у нас был//* и т. д.

Смысловые отношения, для выражения которых необходимы несколько элементарных терминов, назовем *н е д и ф ф е р е н ц и р о в а н н ы м и*

⁸ Интересно отметить, что бессоюзные сложные предложения с определительными отношениями широко представлены в древнерусских текстах и некоторых фольклорных жанрах — см. об этом [20—22].

Предложение *Кончу статью/пойду на дачу//* допускает введение выражающих дифференцированные отношения условного союза (*Если кончу статью, пойду на дачу*); временного союза (*Когда кончу статью, пойду на дачу*) и следственного союза (*Кончу статью, так что [и поэтому] пойду на дачу*). Нет никаких оснований один союз предпочесть другому. И из этого факта следует, по-видимому, сделать вполне определенный вывод: смысловые отношения между данными предикативными конструкциями включают все три типа отношений, и, следовательно, союзом они вообще выражены быть не могут: в русском языке нет союза (союзного слова), который выражал бы условные-временные-следственные отношения. В данном случае и имеет место, исходя, разумеется, из принятого метаязыка описания смысловых отношений, недифференцированное смысловое отношение.

Недифференцированные смысловые отношения широко представлены только в бессоюзных сложных предложениях и составляют в семантическом плане одно из важных отличий бессоюзного сложного предложения от союзного⁹.

Интересно отметить, что некоторые элементарные отношения в бессоюзном сложном предложении могут выступать только в недифференцированных комплексах. К таким наиболее регулярным недифференцированным отношениям в бессоюзном сложном предложении принадлежат:

(а) условно-временные: *Я пойду гулять/дождь кончится//* — «я пойду гулять, если дождь кончится» и «я пойду гулять, когда дождь кончится»; *Станет теплее/пойдут огурцы//*; *Выпадет снег/будем ходить на лыжах//*. Условные отношения могут и в бессоюзных сложных предложениях выступать в дифференцированном виде, ср.: *Дождя не будет/они придут//*, временные отношения обычно сопровождаются условными. Дело, в том, что, как уже было сказано, во временную связь могут быть поставлены самые разные события, и поэтому временная связь не является настолько очевидной, чтобы она могла быть задана и обнаружена на основе апперцепционной базы, эту связь может выразить только временной союз, ср.: *Я кончил институт, когда у Маши родился сын//*, совершенно невозможно **Я кончил институт/ у Маши родился сын/*;

(б) причинно-следственные: *Машину они купили/чаще будут теперь на дачу ездить//* — «так как машину они купили, чаще будут на дачу ездить» и «машину они купили, так что [и поэтому] чаще будут они на дачу ездить»; *Двадцать пять градусов сегодня обещали/вполне можно купаться//*; *Уже поздно/ не придет он наверно//*. Причинные отношения могут быть выражены в бессоюзном сложном предложении как дифференцированные, ср.: *Я не могла вчера работать/ голова жутко разболелась//*. Следственные же отношения в бессоюзном сложном предложении всегда сопровождаются причинными;

(в) противительно-уступительные: *Мог вчера пойти в театр/не пошел//* — «мог вчера пойти в театр, но не пошел» и «хотя мог вчера пойти в театр, не пошел»; *Пыталась ее в какую-нибудь секцию [спортивную] пристроить/не вышло//*.

Интересен вопрос о том, как меняется структура сложного предложения, если в бессоюзные сложные предложения с недифференцированными отношениями ввести союз (союзное слово), эксплицирующий одну из элементарных составляющих этого значения, ср.: *Прошел дождь/все вокруг ожило и зазеленело//* — *Прошел дождь, так что [и поэтому] все вокруг ожило и зазеленело* и *Так как прошел дождь, все вокруг ожило и зазеленело*. Можно думать, что невербализованная часть недифференцированного значения бессоюзного сложного предложения и в союзном сложном пред-

⁹ Смысловые отношения, которые названы здесь недифференцированными, неоднократно отмечались в бессоюзном сложном предложении — см., например, [23]. Первая попытка теоретического осмысления и системного описания таких отношений содержится в работе [24].

Следует заметить, что недифференцированные или как их еще иногда называют диффузные значения известны не только в бессоюзном сложном предложении, они вообще достаточно широко представлены в языке, особенно в лексике — см. [25].

ложении при выражении союзом другой части недифференцированного значения извлекается из содержания предикативных конструкций и таким образом осознается говорящими. Союз (союзное слово) как сильное специальное средство для выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями отодвигает эту невербализованную часть смысловых отношений как бы на второй план. Содержащееся как в общих, так и в специальных исследованиях понятие оттенка значения союзного сложного предложения [26, 27], по-видимому, разумно интерпретировать именно таким образом. Возможно, однако, и другое, на наш взгляд, более правильное решение. Как кажется, функция союза (союзного слова) состоит не только в том, чтобы выразить нужное значение, но и в том, чтобы подавить все те значения, которые вытекают из содержания соединяемых предикативных конструкций. Иначе было бы просто непонятно, как можно достичь в чистом виде выражения элементарных значений. А то, что существует коммуникативная потребность в выражении чистых значений, сомнений не вызывает. Показательно, что строгое научное изложение практически не имеет бессоюзных сложных предложений с недифференцированными значениями. Можно думать поэтому, что никаких оттенков смысловых отношений в союзных сложных предложениях объективно не существует.

Недифференцированные отношения широко представлены только в РР, в КЛЯ они встречаются много реже и ограничены теми сферами языка, которые прямо ориентированы на РР, ср.: причинно-следственные отношения: [Кучумов] *«Я сирота, у меня детей нет: меня куда хочешь поверни»* (А. Островский, Бешеные деньги); *«Двери в избу осели — пришлось с силой, рывком тащить их на себя»* (Ф. Абрамов, Дом); противительно-уступительные отношения: *«Пробовала приехать — нельзя»* (В. Вересаев, Без дороги); *«Вышла я — он за мной»* (М. Цветаева, Воспоминания).

Характеристика смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении на основе понятий дифференцированного/недифференцированного отношений показывает, что прав был и А. М. Пешковский, видевший одинаковые смысловые отношения в союзном и бессоюзном типе, и Н. С. Поспелов, видевший глубокие смысловые отличия в союзном и бессоюзном типе сложного предложения. Истина, как это часто бывает, лежит «посредине».

Обратимся теперь к анализу конфигурации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении. Как уже сказано, понять смысловую конфигурацию бессоюзного сложного предложения можно с помощью противопоставленных понятий прямых и опосредованных отношений. Начнем с примеров.

Прямые отношения

Будет дождь/не пойду гулять/

Опосредованные отношения

Будет дождь/поработаю я еще/!

События, названные в бессоюзных сложных предложениях с прямыми отношениями, в апперцепционной базе данного языкового коллектива связаны непосредственно: дождь обычно рассматривается как прямая причина нежелания идти на улицу, что и дает следственно-причинные отношения. В бессоюзном сложном предложении с опосредованными отношениями названные предикативными конструкциями события в апперцепционной базе связаны через смысл «не пойду гулять»: «будет дождь — поэтому я не пойду гулять — поэтому [взамен гуляния] поработаю еще». Доказательством того, что в бессоюзном сложном предложении с опосредованными отношениями есть имплицитный опосредующий отношения между предикативными конструкциями смысл является то, что естественны и регулярны как союзные, так и бессоюзные сложные предложения с соответствующими прямыми отношениями: *Будет дождь, так что не пойду гулять, Не пойду гулять, и поэтому поработаю немного*; также вполне естественно и предложение с вербализованным опосредующим смыслом: *Будет дождь/не пойду гулять/поработаю немного/!* или *Так как будет дождь, не пойду гулять, и поэтому поработаю немного*. Следует

подчеркнуть, что опосредование определяется исключительно смысловыми связями, заложенными в апперцепционной базе говорящих, и, следовательно, регулярно проявляемыми в языке, т. е. в конечном счете тем, что можно назвать обыденной логикой мышления, которая существенно отличается от логики научного мышления. Если при определении опосредования опираться на научную логику мышления, то опосредование, причем достаточно глубокой, можно было бы видеть и в приведенном первом предложении, ср.: *Будет дождь — на дожде вымокнешь — вымокнуть неприятно — знание этого заставляет человека избегать попадания под дождь* и т. д. и т. п. Поскольку такие связи в текстах обычно не проявляются, нет основания и для вывода об опосредовании отношений в данном предложении. Точно дифференцировать прямые и опосредованные отношения не всегда просто, поскольку иногда трудно сказать, как воспринимается связь между событиями носителями языка. Не исключено, что и в предложении *Будет дождь/не пойду гулять//* есть опосредующий смысл «вымокнуть». *Будет дождь/можно вымокнуть/ и поэтому не пойду гулять//*. И пока нет достаточно полных представлений о логике обыденного мышления, провести уверенную границу между прямыми и опосредованными отношениями в бессоюзном сложном предложении нельзя. Это не значит, что понятия «прямые и опосредованные отношения» лишены научно-познавательной ценности. Во-первых, наличие неясных, спорных случаев не исключает большого массива бессоюзных сложных предложений, в которых прямые и опосредованные отношения дифференцированы вполне определенно. Во-вторых, и это особенно важно, есть возможность, приняв, пусть с некоторой долей условности, ту или иную семантическую структуру бессоюзного сложного предложения за структуру с прямыми отношениями, определить модели опосредования отношений для данной структуры. Например, если прямыми отношениями в бессоюзном сложном предложении с противительно-уступительным значением считать такие, при которых в первой предикативной конструкции обозначена желательность, необходимость, возможность действий, а во второй это действие отрицается: *Я хотел поработать сегодня/не поработал*, то опосредование может идти по такому пути: во второй предикативной конструкции названа обстоятельство, препятствующие осуществлению действия, — *Я хотел поработать сегодня/гости приехали//*; *Я хотел поработать сегодня/голова заболела//*; *Я хотел поработать сегодня/ по телефону бесконечные разговоры какие-то все//* и т. д.

Существуют разные по характеру опосредования в бессоюзных сложных предложениях¹⁰. Чтобы понять их типологию, необходимо принять во внимание противопоставление в смысле предложения модуса и пропозиции (диктума)¹¹. Пропозиция — это то, что сообщается, модус — это смысл, показывающий отношение говорящего к сообщаемому, т. е. к пропозиции, это «я» говорящего в коммуникации.

Различаются следующие типы опосредования:

(1) В бессоюзных сложных предложениях с логическим значением — причина, следствие, уступка и т. п. — устанавливаются отношения между предикативными конструкциями-пропозициями, эти отношения может опосредовать также пропозитивный смысл. Вербализация опосредующего пропозитивного смысла требует особой предикативной конструкции: *Передохнем немного / устал я //* (прямые отношения) — *Передохнем немного / два часа уже работаем* (опосредованные отношения), ср.: *Передохнем немного, так как устал я, потому что два часа уже работаем*.

(2) Опосредующий смысл может представлять модальную часть, одна из предикативных конструкций объясняет выбор именно данного модального смысла, а другая предикативная конструкция представляет основное

¹⁰ Опосредование известно и в союзном типе сложного предложения, ср.: *Если пойдете в булочную, то направо — Если пойдете в булочную, то знайте, что она направо*. Конструкции такого рода обсуждаются в работах [28, 29].

¹¹ Противопоставление в смысле предложения модуса и диктума было сформулировано Ш. Балли [30] и получило широкое признание в современной лингвистике, см., например, [31; 32].

сообщение — пропозицию, ср.: *Много яблок в этом году у него в саду / я там был //* — «я знаю и сообщаю, что много яблок у него в саду, я знаю об этом, потому что я там был и, следовательно, видел». Характерной особенностью таких предложений является то, что союзный эквивалент для них возможен только при условии вербализации имплицитной модальной части: совершенно исключено **Много яблок в этом году у него в саду, потому что я там был*, но вполне возможно *Я знаю, что много яблок в этом году у него в саду, потому что я там был*. Опосредующий модальный смысл вербализуется в форме предикативной конструкции.

Приведем еще примеры подобных конструкций: *Поздно он придет / я с ним говорил по телефону //*; *Там теперь мостик сделали / я проходил недавно //*; *Очень хорошо они отдыхают / письмо я получил //*.

(3) Особого рода опосредование имеет место в бессоюзных предложениях с изъяснительными отношениями. Одной из основных функций сложных предложений с изъяснительными отношениями является раздельное выражение модуса и пропозиции. Изъясняющая часть представляет собой пропозицию, та часть, которая изъясняется, — модус: *Я знаю / она не придет*. Опосредование в таких предложениях касается только модального смысла и осуществляется в пределах модальной предикативной конструкции следующим образом: в предикативной конструкции создаются такие семантические условия, которые предсказывают модальную семантику, позволяя ей оставаться имплицитной, этот модальный имплицитный смысл и опосредует отношения между изъясняемой и изъясняющей частями, ср.: *Я оглянулся / никого нет //* — «оглянулся, и поэтому увидел, что никого нет». Модальная семантика обычно выражается глаголами, с которыми изъясняющая конструкция может быть соединена как бессоюзно, так и с помощью союза *что*: *Я увидел, что никого нет*. Возможность союзного выражения прогнозирует прямые отношения. При опосредованных отношениях союз невозможен: **Я оглянулся, что никого нет*. Опосредующий отношения имплицитный смысл обычно соответствует глаголу, и этот глагол может быть введен в синтаксическую структуру модальной предикативной конструкции с помощью союза *и*: *Я заходил в нашу кондитерскую / много всяких тортов там есть //* — *Я заходил в нашу кондитерскую и видел, что много всяких тортов там есть*.

Типы опосредования хорошо развиты и поэтому могут быть обнаружены, как показывает приведенный материал, только в РР. В КЛЯ, в текстах, испытывающих влияние РР, регулярно используется только третий тип опосредования: *«Вхожу в дом, гляжу из окна — стоит, на занавесочку (смотрит)»* (М. Цветаева, Воспоминания); *«Посмотрите на него — он грустит, и посмотрите на меня — я веселюсь»* (Ю. Герман, Дорогой мой человек); *«Вчера захожу к нему, — оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу»* (В. Вересаев, На повороте)¹².

Итак:

1. В форме бессоюзного сложного предложения за счет интонационных и некоторых других средств осуществляется активизация тех смысловых отношений, которые определяются содержанием составляющих сложное предложение предикативных конструкций.

2. Системное описание бессоюзного сложного предложения предполагает прежде всего описание семантического компонента. Семантическая структура бессоюзного сложного предложения выявляется на основе двух оппозиций: (а) дифференцированные / недифференцированные смысловые отношения между предикативными конструкциями; (б) прямые / опосредованные отношения между предикативными конструкциями.

3. Системные характеристики сложного предложения полно и последовательно проявляются в РР,¹³ в КЛЯ они проявляют себя фрагментарно

¹² Такого рода предложения не имеют устоявшейся квалификации. Н. С. Поспелов называл их бессоюзными сложными предложениями с пояснительными отношениями, см. [33]. А. Н. Гвоздев, положивший в основу своего описания бессоюзных сложных предложений концепцию А. М. Пешковского, видит в таких предложениях дополнительное придаточное, см. [34].

1. Русская грамматика. Т. II. М., 1980, с. 634.
2. Лаптева О. А. Фотография ли? — РР, 1968, № 4.
3. Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970.
4. Вопросы языка современной русской литературы. М., 1973.
5. Русская разговорная речь. М., 1973.
6. Земская Е. А., Китаргородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981, с. 19—40.
7. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 126—128.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
9. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
10. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
11. Дорошенко С. И. Сложные бессоюзные синтаксические конструкции в современном украинском языке. Харків, 1980.
12. Ширяев Е. Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе. — ФН, 1980, № 2.
13. Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения. Прага, 1967, с. 64.
14. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь. I. Петроград, 1923, с. 147.
15. Кручинина И. Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 115.
16. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
17. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
18. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 86.
19. Лаптева О. А. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 57.
20. Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972, с. 117—148.
21. Борковский В. И. О двух ярких синтаксических особенностях русских сказок. — ИАН СЛЯ, 1979, № 1, с. 3—8.
22. Борковский В. И. Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М., 1981, с. 205—221.
23. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1969, с. 142.
24. Чулашева О. М. Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Саратов, 1979.
25. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 95.
26. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1971, с. 23.
27. Шахматова М. А. Определительные придаточные предложения с добавочным пространственным значением: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1973.
28. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973, с. 121—131.
29. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980, с. 43—44.
30. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 43—44.
31. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 161—231.
32. Вежбицка А. Наброски к русско-семантическому словарю. — Научно-техническая информация, 1968, сер. 2, № 12.
33. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 2. М., 1960, с. 396—397.
34. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. М., 1961, с. 301.